

DOI 10.35775/PSI.2025.114.2.025

УДК 32.327

КИМ ЕН УН

кандидат философских наук, ведущий
научный сотрудник Института Китая и современной
Азии РАН, Россия, г. Москва
E-mail: kim@iccaras.ru; kimkorea@list.ru
ORCID-0000-0002-8449-7135

Д.Н. КОЗЛОВА

магистр востоковедения и африканистики
(ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова), аспирант Института Китая
и современной Азии РАН, Россия, г. Москва
E-mail: dn.kozlova@gmail.com
ORCID iD: 0009-0008-1768-0790

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В XXI В.

В данной статье выделены и проанализированы ключевые особенности дипломатии Южной Кореи в первой четверти XXI в. Внешнеполитическая линия Республики Корея (далее – РК) в текущем столетии существенно и качественно отличается от политики прошлого века. Впервые Сеул переходит к выработке комплексной дипломатии и реализации сетевой стратегии во внешней политике, задействовав большое количество принципиально новых для страны инструментов. Для достижения целей национальной политики привлекаются публичные и негосударственные игроки, общественные организации, научно-исследовательские центры и бизнес-структуры. Происходит и расширение географического ареала внешней политики, что также отражается в теоретических исследованиях и приводит к выработке новых подходов в политологической науке Южной Кореи. В статье анализируются как сами изменения во внешней политике страны, так и их практическое обоснование в программных документах администрации президентов РК, а также их теоретическое осмысление в работах южнокорейских исследователей. На основе каких программных установок выстраивается внешняя политика Сеула в текущем столетии? На каких исторических предпосылках она строится? Чем отличается от политики предыдущих этапов? Какие инструменты и идеи предлагают корейские политологи для обоснования инициатив президентов РК? И какие вызовы стоят перед современными южнокорейскими дипломатами? **Выводы** статьи строятся на основе анализа исторических источников (правовых актов, международных договоров, программных документов, речей президентов РК), а также научной литературы, изданной в последние годы как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, дипломатия Республики Корея, сетевая дипломатия, политика «мягкой силы», публичная дипломатия, блоковая дипломатия.

Внешнеполитическая стратегия является одной из основных категорий в теории международных отношений наряду с такими понятиями, как «внешняя политика», «внешнеполитическая доктрина», «внешнеполитический курс», «внешнеполитическая деятельность [3. С. 41]. В политической мысли Республики Корея (далее – РК) теория международных отношений развивалась под сильным влиянием американской школы. И это утверждение справедливо как для современной РК, так и отчасти для периода позднего Чосон на рубеже XIX–XX в. Так, основателем «клуба независимости» в 1896 г. (позже «Общества независимости») был Со Чжэ Пхиль, прошедший долгое время в США и получивший американское гражданство. В число лидеров «Общества независимости» также входили Юн Чхи Хо, который учился в Штатах и работал переводчиком у первого посланника США в Корею, Ли Сан Чжэ, бывший секретарем в американской дипмиссии, а также будущий первый президент РК Ли Сын Ман, который провел долгие годы в США, был доставлен на самолете американских ВВС в Сеул в октябре 1945 г. и вновь вывезен в Штаты спустя всего два дня после вынужденной отставки с поста президента в результате Апрельской революции 1960 г.

Южная Корея является президентской республикой с сильными полномочиями главы государства. И именно президент определяет основные приоритеты и векторы внешней политики. Он же назначает министра иностранных дел. Министерство иностранных дел РК было основано 17 июля 1948 г. И в первые годы своего существования ведомство столкнулось с острым дефицитом профессиональных кадров. В результате высокие посты занимали люди, получившие либо западное образование (американское или британское), либо японское. Первым министром был назначен Чан Тхэк Сан, обучавшийся в Японии, а также в Великобритании. Это во многом также предопределило базовые теоретические подходы к построению южнокорейской дипломатической школы [1. С. 66–67]. При этом разработка стратегии внешней политики в первые десятилетия существования корейского государства была зоной ответственности исключительно высших лиц государства и практикующих дипломатов. Отдельный департамент по стратегии внешней политики был создан в МИД РК лишь в 1991 г. по инициативе президента Ро Дэ У. Сейчас это департамент планирования внешнеполитической стратегии, он является первым по значимости подразделением ведомства.

Также значительную роль в формировании дипломатической линии Сеула играет парламент. Согласно статьям 60 и 61 Конституции РК, Парламент наделен правом одобрять заключение и ратификацию международных договоров, в том числе договоров о дружбе, по вопросам взаимопомощи и безопасности, торговли и навигации, договоров, касающихся каких бы то ни было ограничений суверенитета, мирных договоров, договоров, которые влекут за собой значительные финансовые обязательства. Также в компетенцию парламента входит одобрение

объявления состояния войны, размещения вооруженных сил за пределами страны или размещения иностранных вооруженных сил на территории РК [23].

В развитии собственно современной дипломатии РК можно выделить несколько этапов:

1. Возникновение южнокорейской дипломатии в первые годы существования современного государства и военная дипломатия в годы Корейской войны (1948–1953 гг.).

2. Заключение военно-политического союза с США; развитие южнокорейской дипломатии в эпоху противостояния двух сверхдержав и военной диктатуры в РК (1953–1987 гг.).

3. Дипломатия времени окончания Холодной войны: «Северная политика» Ро Дэ У, выход за пределы региона Восточной Азии, включение в процесс глобализации, полоса признаний РК и принятия в ООН РК и КНДР. Время заключения серии межкорейских соглашений (1988–2003).

4. Политика дипломатической экспансии и региональных инициатив: расширение дипломатического влияния в новых регионах (Ближний Восток, Южная Азия, Латинская Америка), экспорт «мягкой силы», проведение политики «средней державы» (2003–2022). Эта политика опиралась на экономические достижения страны, позволившие начать процесс заключения Соглашений о свободной торговле, принесших РК, чей ВВП на 90% формировался за счет внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества, позицию одной из крупнейших экономик мира.

5. Дипломатия после «Кэмп-Дэвида» и встраивание РК в структуру многосторонней безопасности, создаваемую в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) под эгидой США.

Данная статья посвящена анализу ключевых особенностей дипломатии РК, которые проявились в XXI в. (во время последних двух этапов). В фокусе исследования находятся не межкорейские, а именно **международные** дипломатические стратегии и концепции, которые касаются политики РК за пределами Корейского полуострова. В сфере межкорейских отношений со времен первого в истории саммита лидеров двух стран в июне 2000 г. также произошли значительные изменения, однако они находятся за рамками данного исследования.

Слом подхода. С начала установления отношений с КНР (1992 г.) РК стремилась лавировать между двумя сильными державами – США и КНР. В результате, как заключает Цой Чжэ Док, «и для США, и для Китая Южная Корея стала страной с отрицательной ценностью» [10. С. 22]. В XXI в. возникла необходимость разработки новой «ориентированной на перспективу стратегии внешней политики». Выбор внешнеполитического курса стал вопросом «выживания» государства и его шанса на сохранение независимой (хотя бы относительно) внешней политики. Цой Чжэ Док проводит аналогии с ситуацией конца периода Чосон, когда корейские власти не сумели разработать такую стратегию, которая позволила бы стране сохранить независимость и не стать протекторатом, а затем

и колонией Японии [10. С. 23]. Попытки разрешить эти противоречия привели на рубеже веков к слому внешнеполитического подхода: произошел переход от внешней политики, ориентированной на строительство национального государства, к внешней политике, направленной на создание регионального сообщества [15. С. 319].

Этот переход стал ответом на изменившуюся международную обстановку и на необходимости адекватного реагирования на нее, а также стал возможным в связи с возникшими у РК экономических и управленческих достижений, существенно повысившим имидж страны. Процесс демократизации, начавшийся с началом Шестой Республики в 1988 г. привел к переходу экономики из уровня среднеразвитой страны в высокоразвитую страну за 12 лет. Так, если в 1988 г. ВВП РК составлял 210 млрд долл., то к 2001 г. он составил уже 1 трлн. долл. [14]. Азиатский финансовый кризис 1997 года нанес серьезный урон экономике и уровню жизни населения. В том же году для его преодоления практически полностью были истрачены золотовалютные резервы и пришлось просить кредиты у Международного валютного фонда в объеме более 50 млрд долл., из которых были использованы 20 млрд долл. При таких сложных условиях за три года кризис был преодолен, долги были погашены, а золотовалютные резервы достигли в 2001 г. 97,7 млрд. долл. [9. С. 389]. То есть, РК продемонстрировала не только быстрое восстановление экономики, но и формирование в стране стрессоустойчивой системы управления кризисами, что является важнейшей ценностью для любого государства. Кстати, РК продемонстрировала эти качества и впоследствии во время мирового экономического кризиса 2008-2009 г., пандемии коронавируса 2020-2022 г., не допустив ни закрытия страны, ни падения экономики, ни большой смертности населения, как это было в США и в ряде европейских стран. Можно также отметить, что своей вакцины от коронавируса у РК не было и нет.

Вместе с тем, этот переход оставил нерешенными многие традиционные вопросы внешней политики, связанные прежде всего с ограничениями суверенитета РК, которые накладывает на страну альянс с США, а также с вопросами, уходящими в колониальное время (выплата компенсаций за сексуальное и трудовое рабство в годы зависимости от Японии, территориальные споры).

И особенность дипломатии XXI в. заключается в том, что эти нерешенные базовые вопросы накладываются на вызовы современности (риск ядерного терроризма, киберпреступность, проблемы региональной безопасности, международного терроризма, транснациональной преступности и наркотрафика, обострение конкуренции в сфере торговли, научно-технологической области), решить которые невозможно, действуя в рамках одного государства и не развивая всестороннее сотрудничество со странами региона.

Сетевая дипломатия. Для Южной Кореи первая четверть XXI в. стала временем рождения комплексной дипломатии, которая направлена на достижение национальных целей посредством использования всех доступных средств, включая дипломатию военную, торговую, климатическую, публичную и частную,

дипломатию сотрудничества в целях развития, а также политику мягкой силы. Еще в 2005 г. на третьем форуме мира в Чечжу была предложена идея реализовать стратегию «сетевой Северо-Восточной Азии». В южнокорейских академических кругах под этим подразумевали организацию «сообщества, которое взаимосвязано несколькими уровнями плотных сетей людей, товаров и услуг, капитала, инфраструктуры, идей и информации» [14. С. 332]. Под «сетями» в данном случае понимаются разветвленные структуры, создаваемые для взаимодействия между государствами, международными организациями, корпорациями, неправительственными организациями и другими акторами. В отличие от традиционной дипломатии, ориентированной на двусторонние или многосторонние официальные контакты между государствами, сетевая дипломатия опирается на взаимодействие широкого спектра участников через горизонтальные сети. Ким Сан Бэ сравнивает проведение такой стратегии с возведением улья со множеством совместно созданных ячеек [18. С. 19]. Важно, что данный подход не требует применения жесткой силы и прямого политического влияния. Сетевая дипломатия реализуется иначе. Южнокорейские эксперты говорят о вступлении Южной Кореи в гонку «тихой» дипломатии [21. С. 22]. Политологи-конструктивисты утверждают, что подход сетевой дипломатии сводится к созданию «привычек диалога» – рутинным взаимодействиям, моделям сотрудничества в сферах низкой политики (например, контроль загрязнения или координация береговой охраны). Эти усилия как раз и могут использоваться для роста влияния малых и средних держав [18. С. 16-17]. Для развития таких «привычек диалога» РК задействует разные инструменты, в том числе сотрудничество на уровне бизнес-структур, городских и региональных властей, частных и общественных организаций, мягкую силу и публичную дипломатию.

Более того, Ким Сан Бэ предполагал, что сетевые возможности дипломатии РК можно использовать для урегулирования споров между региональными игроками, например между Китаем или Японией [18. С. 15-16]. Впрочем, такие предположения делались 10 лет назад, а сейчас уже понятно, что с переходом к блоковой политике, о чем будет сказано отдельно чуть позже, реализация сетевых стратегий становится гораздо сложнее.

Гражданская дипломатия и негосударственные акторы в политике. В XXI в. кратко возрастает роль негосударственных акторов в дипломатии РК. Традиционно среди западных исследователей высказывается точка зрения, что в отличие от государственных органов, аффилированных с МИД, эти участники международных отношений менее политически мотивированны, и преследуемые ими цели зачастую отличаются от целей государственной дипломатии [14. С. 330]. Однако представляется, что в случае РК дипломатия негосударственных субъектов органично встраивается в общую систему комплексной дипломатии, и основная функция частных акторов заключается в посредничестве и наведении «мостов» в тех сферах, где работа для официальной дипломатии сопряжена с рядом ограничений. Особенно возрастает роль негосударственных игроков в периоды роста напряженности в международных отношениях

и в условиях, когда развитие отношений РК с какой-либо страной осложнено действующими санкциями. Для описания дипломатической деятельности негосударственных субъектов, независимо от того, взаимодействуют ли они с государствами, рыночными субъектами или другими организациями гражданского общества, исследователи предлагают термин «гражданская сетевая дипломатия», который должен отразить, во-первых, негосударственный статус субъектов и их принадлежность к гражданскому обществу и, во-вторых, комплексный характер их деятельности [14. С. 334].

Успешным примером гражданской сетевой дипломатии РК в XXI в. можно назвать «форум мира» на Чечжудо. Он был инициирован частными лицами (учеными, университетами) в партнерстве с местным правительством, а в его задачи входило в том числе продвижение нового идейного видения региональной политики. При этом был широко использован уже сложившийся к началу XXI в. имидж острова Чечжудо, как территории новой «креативной» дипломатии: в 1991 г. М. Горбачев посетил Чеджудо, в 1995 г. на остров приехал глава КНР Цзян Цзэминь. Продвигалась идея о том, что Чечжудо должен стать «гаванью мира». Первый форум прошел на Чечжудо в 2001 г. и был приурочен к годовщине первого в истории саммита Север-Юг. С тех пор форумы проводились регулярно, всегда с участием высших политических лиц РК и часто с участием видных иностранных политиков. Более того, с первого же заседания этот форум, позиционируемый как негосударственный, стал играть видную роль в идейном продвижении региональных инициатив РК [18. С. 22, 231], а со времени президентства Ли Мен Бака стал и важной частью сложной сетевой дипломатии.

К такой же негосударственной дипломатии можно отнести и деятельность южнокорейских аналитических центров, в частности Института Восточной Азии и Института политических исследований Асан. Последний был основан в 2008 г. представителями научных кругов и местных властей в качестве, как заявлено официально, автономного центра, проводящего «политически значимые исследования для формирования внутренней, региональной и международной среды, способствующей миру и стабильности на Корейском полуострове и воссоединению Кореи» [11]. Однако фактически эта структура была создана и функционирует на деньги Hyundai. Сейчас Институт Асан имеет более десятка отдельных исследовательских центров и обладает возможностями для проведения широкой международной гражданской дипломатии. По аналогии с «форумом мира» на Чечжудо, Асан (помимо исследований) проводит и очные мероприятия, участниками которых становятся в том числе высокопоставленные должностные лица.

С одной стороны, возможности частных организаций (каким бы финансированием они ни обладали) существенно ограничены и не сравнимы с органами, аффилированными с государством. С другой стороны, они обладают большей гибкостью, способны обходить коммуникационные барьеры и поддерживать международные контакты, не взирая на официальные ограничения. Кроме того, в академической среде (во время президентства Юн Сок Ёля) высказывалось

мнение, что именно негосударственные организации могут быть использованы для налаживания отношений с Японией и изменения имиджа Токио в глазах южнокорейцев, так как они «свободны от исторического багажа и официальных позиций правительств, что позволяет им заниматься независимым установлением фактов». В качестве позитивного примера приводились симпозиумы «по преодолению националистических предубеждений в образовании», которые в 2002–2003 гг. проводили Конференция по историческому образованию Японии и Национальная ассоциация учителей истории Южной Кореи [13. С. 46–47].

Публичная дипломатия и политика мягкой силы. Пожалуй, в XXI в. одним ключевых инструментов внешней политики РК стала публичная дипломатия. Ее цель заключается в том, чтобы формировать имидж страны на международной арене и управлять тем, как то или иное государство воспринимают широкие массы. Дж. Фишер определял публичную дипломатию следующим образом: «Недостаточно быть уверенным в том, что ваши иностранные коллеги-дипломаты понимают политику вашего государства. Ее должна понять массовая аудитория, которая влияет на политику своего МИД» [11. С. 137]. И в контексте растущей глобализации и информатизации Южная Корея сделала акцент именно на продвижении своего положительного имиджа и политики мягкой силы. Были задействованы такие типы современной дипломатии, как образовательная (сеть образовательных центров King Sejong Institute, стипендии южнокорейских университетов), технологическая (продвижение киберспорта, разработок в области 5G, ИИ и робототехники), гуманитарная (участие в программах помощи развивающимся странам через Корейское агентство международного сотрудничества KOICA, Корпус мира), брендинговая и культурная (инициативы, ориентированные на туризм, в том числе «Imagine Your Korea», «корейская волна», использование известных персон для продвижения имиджа страны). Именно с целью продвижения публичной дипломатии в ключевых для РК государствах в 1991 г. был образован Корейский фонд международных обменов, который стал связующим звеном между государственными органами и международным сообществом. Дипломатия фонда была ориентирована на формирование сети сообществ за рубежом для оказания поддержки корейским властям и в перспективе формирования платформы для международных взаимодействий. Помимо организации культурных мероприятий, поддержки «корейской волны», иностранных студентов и академических исследований, фонд занимается налаживанием связей с элитами других стран: работает с политиками, дипломатами и лидерами мнений [7. С. 111–112]. Публичная дипломатия в значительной степени опирается на негосударственные субъекты, о которых уже было сказано ранее, но при этом она сохраняет государственную и национальную безопасность в качестве основной своей цели.

В 2017 г. в РК был принят закон «О продвижении публичной дипломатии», который стал важной вехой в институционализации инструментов мягкой силы, обеспечил системный подход к публичной дипломатии и усилил правовую и организационную основу для ее проведения. Также в законе оговорено

создание координационного комитета, который занимается разработкой долгосрочных планов и координирует действия между государственными ведомствами и частными организациями.

И результаты публичной дипломатии РК вполне впечатляющие. С 2020 г. компания Brand Finance публикует Global Soft Power Index – рейтинг, который оценивает страны по их способности влиять на мировую общественность и формировать позитивное мнение через мягкую силу. Южная Корея вошла в первую версию индекса и с тех пор стабильно улучшала свои позиции. В 2024 г. РК заняла 15-е место в рейтинге [13].

Концепция «средней державы». Особую актуальность для Сеула в XXI в. приобрела концепция «средней державы». Она впервые была предложена Канадой и Австралией в середине XX в. Но в Восточной Азии понятие «средней державы» кардинальным образом трансформировалось и обрело новые атрибуты. Впервые концепт «промежуточной» предпочтительно мягкой силы как буфера между сверхдержавами и малыми странами появился в РК еще в 70-х гг. при президенте Пак Чон Хи. Вновь заговорили о нем в 90-е гг. Но в полной мере в дипломатическую и экономическую плоскость эта концепция перешла лишь в XXI веке. В 2013 г. была достигнута договоренность о создании новой неформальной организации «средних» держав – МИКТА (Мексика, Индонезия, Корея, Турция и Австралия), формальным инициатором которой выступила РК. Значительную роль в теоретическом переосмыслении и адаптации этой идеи для РК сыграл южнокорейский политолог Ким Тэ Хван. В своей работе, выпущенной в 2018 г., он связал концепцию дипломатии «средней державы» с понятием национальной идентичности, ключевым для всей политики РК после освобождения. Также, как обращают внимание В. Родионов и В. Бритова, Ким Тэ Хван ввел понятие «желаемой идентичности» и связал воедино концепции внешней и внутренней политики. Следуя данному принципу, «желаемая идентичность» Южной Кореи – это идентичность или даже роль, которая могла бы показать страну на уровне развитых и независимых государств [8. С. 56]. Как подчеркивает Ким Тэ Хван, «признание и видение страны вовне отражается на ее собственном восприятии» [24. С. 81].

Таким образом, в XXI в. концепция «средней державы» и расширение внешнеполитических связей становится для Сеула гораздо большим, чем просто дипломатия. Это инструмент построения новой национальной идентичности корейского этноса, который должен перейти от «островного мышления» к новой стадии – распространению своего влияния вовне и расширению мягкого влияния на новые территории. Здесь можно провести исторические параллели. Если во время «экономического чуда» главным элементом формирования самосознания южнокорейцев как нации стала концепция чухесон: исключительности пути страны в опоре на экономическую независимость, национальные ценности и этатизм, то, когда говорится о формировании «желаемой идентичности» южнокорейцев в этом веке, место экономики и «экономического чуда» занимает уже дипломатия.

В то же время многие исследователи обращают внимание на неясность и расплывчатость самого термина «средняя держава». Как отмечает Ли Сук Хон, термин «дипломатия средней силы» используется слишком часто из-за отсутствия ясности в его точном определении. В последнее время почти любое региональное сотрудничество, более разумное взаимодействие с Китаем и практически все усилия по созданию коалиции в международных делах стали называться частью миссии «средней силы» Южной Кореи [21. С. 25].

Волатильность внешней политики. К XXI в. в РК окончательно сложилась и оформилась двухпартийная система с противостоянием партий, которые можно условно обозначить как консерваторов и демократов. И основные приоритеты внешней политики фактически оказались зависимы от того, представитель какой партии одерживает победу на очередных (или внеочередных, как в 2017 г.) президентских выборах. При этом ограничение президентского срока пятью годами без права перевыборов приводит к частой смене внешнеполитического курса, так как новые администрации стремятся скорректировать политику предшественника или полностью отказаться от его инициатив. Как отмечает журнал «Власть», «избрание президента только на один пятилетний срок заведомо обрекает его на положение временщика, т.к. за это время невозможно ни выработать долгосрочных программ, ни реализовать их, ни набрать необходимой харизмы» [6. С. 69]. Президенты-демократы (все они были с визитами в Пхеньяне) традиционно тяготеют к тому, чтобы наладить отношения с КНДР путем активизации контактов, развития гуманитарного сотрудничества и запуска совместных инициатив; консерваторы, напротив, делают ставку на язык угроз, давления и санкций в отношении КНДР, с одной стороны, и расширение взаимодействия с США, с другой. В результате происходит крайняя поляризация корейской политики, которая зачастую начинает препятствовать формированию и проведению разумной внешней политики [27]. Отношения с тем или иным государством становятся заложником внутривнутриполитической борьбы.

И южнокорейские политологи заключают, что за последние годы поляризация внешней политики лишь усилилась, о чем явно свидетельствует отношение к политике на японском направлении. По данным исследования восприятия Японии, проведенного Институтом Восточной Азии, в 2022 г. разрыв между консерваторами и демократами в оценке политики в отношении Токио составлял 2-6 процентных пунктов, в 2023 г. он увеличился до 12 пунктов, в 2024 г. – до 23. Поддержка сотрудничества в сфере военной безопасности между РК, США и Японией продемонстрировала схожую тенденцию: до 2022 г. различий между партиями практически не наблюдалось, в 2023 г. разрыв увеличился до 17 пунктов, а в 2024 году – до 28 [27].

Региональные инициативы. Логике межпартийной борьбы зачастую подчинены и региональные инициативы южнокорейских президентов. Каждый из лидеров РК становится инициатором своей региональной программы, стараясь при этом максимально дистанцироваться от предшественников, и придать своей внешнеполитической линии характер новизны.

Но Му Хен (2003–2008) предпринял попытку позиционировать РК как «балансера» в Северо-Восточной Азии (далее – СВА), служащего для соединения держав региона. Выдвигалась идея, что РК может ускорить интеграцию СВА, способствуя развитию международного обмена и сотрудничества. Основу внешней политики Ли Мен Бака (2008–2013), который пришел к власти после десятилетия правления демократов, составила идея «Глобальной Кореи». Был сделан акцент на продвижении системы глобального партнерства и повышении дипломатического престижа Сеула [21]. Ли Мен Бак начал продвигать дипломатию «средней державы», позиционируя РК как место проведения международных мероприятий, включая саммит G20 и саммит по ядерной безопасности [17. С. 48]. Формально всё это было оформлено как «инициатива Новой Азии», согласно которой РК предназначалось стать мостом между крупными и малыми державами, а также развитыми и развивающимися странами. Также администрация Ли разработала основные стратегии, соответствующие глобальным политическим повесткам в областях изменения климата и устойчивости («зеленый рост»). Фактически РК стала первой страной, которая предприняла попытку позиционировать «зеленый рост» в качестве национальной дипломатической стратегии [2. С. 45].

С приходом к власти Пак Кын Хе (2013–2017) определяющей стала «политика доверия», причем как во внутренней, так и во внешней политики. В научных трудах, опубликованных в то время в РК, были предприняты попытки представить эту политическую концепцию сопоставимой по масштабам с Ostpolitik Западной Германии и Nordpolitik правительства Ро Дэ У [24. С. 8, 16]. Происходит расширение внешнеполитических амбиций РК, которые концептуально приобретают форму «Евразийской инициативы». Однако на реализацию этой программы у Пак Кын Хе было еще меньше времени, чем у предшественников: в марте 2017 г. Конституционный суд, рассмотрев представление парламента об импичменте, отстранил президента от должности.

Мун Чжэ Ин (2017–2022), избранный президентом на внеочередных выборах в мае 2017 г., инициировал «Зелёный новый курс», включив его в национальную стратегию устойчивого развития, а также ряд новых региональных инициатив, самыми заметными из которых стали «Новая южная» (направленная на углубление связей с АСЕАН и Индией) и «Новая северная» политика (имеющая целью улучшение экономических и дипломатических связей с Россией, Китаем, Центральной Азией и Монголией). Для ее реализации была провозглашена «концепция девяти мостов». Однако в целом, как констатирует А.Л. Лукин, ожидания от инициативы «девяти мостов» оказались больше достигнутых результатов [4. С. 61]. На пути реализации этой стратегии встали пандемия коронавируса, геополитические ограничения, страх перед реакцией США, а затем и внутривнутриполитические изменения в самой РК.

Но, как правило, такая судьба постигает все региональные инициативы президентов РК. Реализовать их в полной мере не удастся ввиду ограниченности как президентского срока, так и самой «амплитуды колебаний» внешней политики РК, которая при своей «стратегической автономности» и видимой

волатильности неизменно остаётся в фарватере базовых установок политики США.

Блоковая дипломатия. В последние годы в АТР происходят значительные изменения баланса сил и рост геополитической напряженности, что в случае Южной Кореи приводит к отходу от ограниченных региональных инициатив и всё более явному переходу к блоковой дипломатии. Под блоковой традиционно понимают такую стратегию, при которой государство концентрируется на укреплении связей с определённой группой стран или альянсом, объединённым общими политическими, экономическими, военными или идеологическими интересами. Такой подход предполагает участие в глобальных или региональных блоках и союзах.

На протяжении всей истории Южной Кореи внешняя политика страны основывалась на тесном союзе с США, однако с 2022 г. при президенте Юн Сок Ёле Сеул начал делать ставку уже не просто на укрепление двусторонних отношений с Вашингтоном, а на активном участии в формируемой блоковой системе под эгидой США. На смену региональным инициативам по расширению дипломатического влияния приходит более жесткая блоковая дипломатия. В базовом документе, определяющем основные принципы политики, власти РК подчеркивают, что будут делать основной акцент на «усилении сотрудничества с США с целью превратить партнерство РК-США во всеобъемлющий глобальный стратегический альянс» [29]. Символичным шагом на пути к этому альянсу стало принятие в РК Индо-Тихоокеанской стратегии, получившей название «Стратегия свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона» [22]. Этот документ, по словам министра иностранных дел РК Пак Чжина (2022-2024), стал «первым внешнеполитическим документом, соответствующим национальной мощи» РК [26]. На деле он фактически санкционировал присоединение РК к американской Индо-Тихоокеанской стратегии.

Кроме того, Юн Сок Ёль первым из президентов РК начал участвовать в саммитах НАТО. Сеул открыл своё представительство в Брюсселе при штаб-квартире альянса. А в ходе переговоров в Вашингтоне лидеры США и РК подписали декларацию, в которой заявили об общей «стратегической линии, предполагающей формирование единой сети, связывающей различные альянсы США на пространстве Европы, Северной Атлантики и Индо-Тихоокеанского региона для сдерживания своих основных геополитических противников в виде России («главная и прямая угроза») и Китая («вызов интересам, безопасности и ценностям») [5. С. 34]. Контуры же первого потенциально блокового объединения, в котором РК уже является полноправным участником, были определены в августе 2023 г. на саммите в Кэмп-Дэвиде. По итогам встречи Юн Сок Ёль заявил, что «соглашение, достигнутое на саммите, означает, что любые провокации или нападения на одну из трех стран приведут к принятию решений в рамках этой трехсторонней структуры, и наша солидарность станет еще сильнее и крепче» [19]. Разумеется, что о создании полноценного альянса, аналогичного НАТО, речи еще не идёт, но налицо отход РК от дипломатии двусторонних союзов к политике,

ориентированной на встраивание в международные альянсы в АТР и сотрудничество с НАТО. Впрочем, представляется, что такая политика чревата в краткосрочной перспективе обострением отношений со странами-соседями (КНР, Россией), а в среднесрочной – все более возрастающей зависимостью от союзников по альянсу, риском эскалации конфликтов и потерей гибкости во внешней политике. Это, в свою очередь, приводит к определенным неудачам, как, например, активное участие РК в проведении всего лишь через два года бесславно почивших в бозе так называемых саммитов демократий, инициированных президентом США Дж. Байденом, организатором второго и третьего которых была РК.

Заключение. В XXI в. Южная Корея демонстрирует существенную трансформацию внешнеполитической стратегии. От выстраивания двусторонних отношений и увеличения общего количества дипломатических контактов Сеул переходит к новой комплексной многосторонней дипломатии и созданию сетевых структур взаимодействия. При этом РК широко задействует в своей международной политике частные и негосударственные организации, которые используются в качестве инструмента политики «мягкой силы» и драйвера гражданской дипломатии РК.

Но препятствием на пути реализации многих внешнеполитических инициатив становится внутривнутриполитическая борьба в самой Южной Корее. Окончательно оформившаяся в XXI в. двухпартийная система способствует поляризации не только внутренней, но и внешней политики, что ставит сам факт развития отношений с другими странами (прежде всего с соседями по региону СВА) в отношения прямой зависимости от логики межпартийного противостояния и борьбы за избирателя перед парламентскими или очередными/внеочередными президентскими выборами.

Происходит и расширение географического ареала внешней политики Южной Кореи, которая всё смелее заходит на новые для себя рынки и территории, в частности страны Южной Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Это нашло отражение в выдвижении каждым южнокорейским президентом новых региональных инициатив, реализовать которые, впрочем, в полной мере не удастся из-за ограниченности срока полномочий лидера государства. Более того, внешняя политика Южной Кореи, несмотря на видимую волатильность и амбициозные попытки президентов страны предложить новые подходы, остается в значительной степени зависимой от стратегических интересов США. Это особенно ярко проявляется в последние годы, когда РК активно включается в блоковую дипломатию под эгидой Вашингтона. С одной стороны, это отражает попытки Сеула адаптироваться к изменяющемуся балансу сил в АТР и укрепить свои позиции за счет участия в глобальных альянсах, с другой ставит под угрозу отношения Южной Кореи с соседями, ограничивает её внешнеполитическую гибкость, приводит к снижению ее авторитета. Так, например, не успели в США некоторые структуры запретить использование созданного в КНР чат-бота Deep Seek, оказавшегося при лучших показателях в 20-50 раз дешевле (в зависимости

от сферы применения) созданного в США ИИ Open AI Chat GPT, как власти РК взялись под козырек и оказались в числе первых стран, которые запретили использование китайской программы [26]. Представляется, что РК необходимо найти баланс между своей политикой в рамках альянса с США и отстаиванием своих коренных национальных интересов и самостоятельности в принятии решений, что является сложной, но необходимой задачей для обеспечения долгосрочных интересов страны. В условиях нарастающего противостояния крупных держав в регионе и роста геополитической напряженности перед РК стоят новые вызовы, связанные с сохранением суверенитета и гибкости в своей внешней политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Внешняя политика и дипломатия Республики Корея: учебное пособие / под общ. ред. М.П. Куклы. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022.
2. **Ермолаева Е.М.** Формирование и развитие идеологии внешней политики Республики Корея. Genesis: исторические исследования. 2020. № 7.
3. **Кондратов А.И.** Система основных категорий внешнеполитической деятельности государства и ее функции // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2.
4. **Лукин А.Л.** Инициатива «девяяти мостов» президента Мун Чжэ Ина: предварительные итоги для российско-корейских экономических отношений // Известия восточного института. 2020. № 4.
5. **Мишин В.Ю.** Блоковая политика президента РК Юн Сок Ёля и ее место в архитектуре сетевых альянсов США в АТР // Россия и АТР. 2024. № 4.
6. Особенности парламентаризма в Республике Корея // Власть. 2024. № 4-1.
7. **Парубочая Е.Ф.** Корейский фонд как институт публичной дипломатии Республики Корея // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. № 3.
8. **Родионов В.А., Бритова В.Р.** Республика Корея как «средняя держава»: теория и практика // Вестник БНЦ СО РАН. 2021. № 3.
9. **Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.** Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
10. **Цой Чжэ Док.** Стратегия дипломатии Республики Корея. М.: ИДВ РАН, 2019.
11. **Шамугия И.Ш.** Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10.
12. About the Asan Institute (Seoul: The Asan Institute for Policy Studies) // <http://en.asaninst.org/about/about-the-asan-institute/>.
13. **Easley L.-E.** Korean NGOs and Reconciliation with Japan // Journal of East Asian Studies. 2023. № 23 (1).
14. Economy_of_South_Korea // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ee25921c-67a5a242-c5486ee4-74722d776562/.

15. Global Soft Power Index // <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf>.
16. Hayes, Peter, and Kiho Yi, editors. Complexity, Security and Civil Society in East Asia: Foreign Policies and the Korean Peninsula. 1st ed., Open Book Publishers, 2015. JSTOR // <http://www.jstor.org/stable/j.ctt16gzg36>. Accessed 25 Dec. 2024.
17. **John J.V.** Globalization, National Identity and Foreign Policy: Understanding 'Global Korea' // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2015. № 33 (2) // <https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/download/4965/5392/0>.
18. **Kim Sangbae.** Roles of Middle Power in East Asia: A Korean Perspective. Seoul National University, EAI MPDI Working Paper, January 2014 // http://eai.or.kr/data/bbs/eng_report/20140203158563.pdf.
19. **Kim Sang-woo.** Real test of Camp David summit. The Korea Times. 20.08.2023 // https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2025/01/638_357417.html.
20. **Moon C.I.** East Asia Community Building and ROK's Northeast Asian Cooperation Initiative, Building a Northeast Asian Community: Toward Peace and Prosperity (Jeju: 3rd Jeju Peace Forum, 2003) // http://www.jejuforum.or.kr/data/publications/file2_1468562136.pdf.
21. **Sook Hong Lee.** South Korea as New Middle Power Seeking Complex Diplomacy. EAI Asia Security Initiative Working Paper, January 2012 // https://www.researchgate.net/publication/267423421_South_Korea_as_New_Middle_Power_Seeking_Complex_Diplomacy.
22. Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. 28.12.2022 // https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322133.
23. '글로벌 코리아 2010' 기조연설. 대통령 기록관. [Программная речь «Глобальная Корея 2010». Президентский архив; Keynote speech «Global Korea 2010». Presidential Archives] // <https://dams.pa.go.kr/dams/DOCUMENT/2013/11/12/DOC/SRC/0104201311128532400085324019132.PDF> (in Korean).
24. 김태환, 정체성 정치와 중견국 공공외교의 유형 비교: 한국에 대한 함의 // 정책연구시리즈 2017-19, 국립외교원 외교안보연구소, 03.2018. [**Ким Тэ Хван.** Сравнение политики идентичности и публичной дипломатии средней державы: значение для Южной Кореи // Политические исследования 2017-19. Институт внешней политики Дипломатической академии. Сеул, 2018; **Kim Tae-hwan.** Comparing Identity Politics and Public Diplomacy of a Middle Power: Implications for South Korea. Political Studies 2017-19. Institute of Foreign Policy, Korea National Diplomatic Academy. Seoul, 2018.] (in Korean).
25. 대한민국헌법 [Конституция Республики Корея; Constitution of the Republic of Korea] // <https://www.law.go.kr/lsSc.do?menuId=1&subMenuId=15&tabMenuId=81#undefined> (in Korean).
26. 딥시크 금지령' 정부부처 전방위 확산...금융권·기업도 합류. [Запрет на Deep Seek распространяется на все правительственные министерства... Финансовый сектор и компании также присоединяются] // https://www.yna.co.kr/view/AKR20250206056053002?section=politics/all&site=major_news02.

27. 박형중, 김영호, 전성훈, 전재성 공저. Trustpolitik: 박근혜정부의 국가안보전략-이론과 실제 탐색연구. 서울 : 통일연구원, 2013. [**Пак Хён Чжун, Ким Ён Хо, Чон Сон Хун, Чон Чжэ Сон**. Политика доверия: концепция национальной безопасности правительства Пак Кын Хе – исследование теории и практики. Сеул, Корейский институт национального объединения, 2013; **Park Hyung-joong, Kim Young-ho, Jeon Seong-hun, and Jeon Jae-seong, co-authored**. Trustpolitik: National Security Strategy of the Park Geun-hye Government – Exploratory Study on Theory and Practice. Seoul: Korea Institute for National Unification] // <https://www.kinu.or.kr/library/10110/contents/6485012> (in Korean).
28. 손열. 2025년 한일관계 3대 리스크 관리. East Asia Institute, 08.01.2025. [**Сон Ёль**. Управление тремя основными рисками в отношениях между Кореей и Японией в 2025 году; Son Yeol. Management of the three major risks in Korea-Japan relations in 2025] // https://www.eai.or.kr/new/ko/pub/view.asp?intSeq=22866&board=kor_issuebriefing (in Korean).
29. 윤석열 정부 120대 국정과제 (자유, 평화, 번영에 기여하는 들러벌 중추국가) [120 задач политики Правительства Юн Сок Ёля (Глобальное государство, вносящее вклад в свободу, мир и процветание); Yoon Seok-yeol Government's 120 Major National Tasks (A Key State Contributing to Freedom, Peace and Prosperity). 2022 // https://www.president.go.kr/affairs/gov_project?target=5.
30. 2023 외교부 주요업무 추진계획 - 다시 뛰는 국익 외교: 글로벌 중추국가를 향하여. 11.01.2023 [План ключевых задач Министерства иностранных дел на 2023 год – Дипломатия национальных интересов: на пути к глобальной ключевой державе; The Ministry of Foreign Affairs' Key Tasks Plan for 2023 – Diplomacy of National Interests: Towards a Global Key Power] // <https://www.president.go.kr/download/63bfb83fcba87>.

KIM EN UN

PhD (Philosophy), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID-0000-0002-8449-7135

D.N. KOZLOVA

Master of Oriental and African Studies (Institute of Asian and African Studies, MSU), postgraduate student of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID iD: 0009-0008-1768-0790

KEY FEATURES OF THE DIPLOMATIC STRATEGY OF THE REPUBLIC OF KOREA IN THE 21ST CENTURY

This article highlights and analyzes the key distinctive features of South Korean diplomacy in the first quarter of the 21st century. The foreign policy line of the Republic of Korea (ROK) in the current century differs significantly and qualitatively from the policy of the last century. For the first time, Seoul is moving towards developing a complex diplomacy and implementing a network strategy in foreign policy, using a large number of fundamentally new tools. Public and non-governmental players, public organizations, research centers and business structures are involved in achieving the goals of national policy. Moreover, there is an expansion of the geographic area of foreign policy, which is also reflected in theoretical research and leads to the development of new approaches in the political science of South Korea. The article analyzes both the changes in the country's foreign policy and their practical grounding in the program documents of the presidents of the ROK, as well as their theoretical understanding in the works of South Korean researchers. On what programmatic principles is Seoul's foreign policy built in the current century? On what historical prerequisites is it based? How does it differ from the policy of previous stages? What tools and ideas do Korean political scientists offer to support the initiatives of the presidents of the ROK? And what challenges do modern South Korean diplomats face? The conclusions of the article are based on the analysis of historical sources (legal acts, international treaties, program documents, speeches of the presidents of the Republic of Korea), as well as scientific literature published in recent years both in Russia and abroad.

Key words: foreign policy strategy, diplomacy of the Republic of Korea, network diplomacy, soft power policy, public diplomacy, bloc diplomacy.